Содержательная структура народных примет (на материале русского и немецкого языков)

М.А.Кулькова
Казанский (Приволжский) федеральный университет

народная примета, смыслообразование, пропозиция, русский язык, немецкий язык

Народные приметы (далее – НП), пройдя длительный путь ˝шлифовки˝ временем, представляют собой замечательный продукт народного творчества, демонстрируют яркий образец структурно-смыслового единства языка и стиля. Возникновение НП имеет сложную природу, не случайно И.А. Бодуэн де Куртенэ о приметах писал так: ˝Некоторые из них представляют весьма ценный материал для диалектолога; все же они заслуживают внимания со стороны психолога, социолога, фольклориста, историка и т.д.˝ [Цит. по: Виноградов 1963: 16]. По мнению А.Н.Афанасьева, появление приметы объясняется необходимостью создания некой системы отношений путем ˝нахождения связей между миром материальным и нравственным˝ [Афанасьев 1865, I: 143]. Как отмечал А.А. Потебня, ˝примета предполагает, что лежащие в ее основании члены сравнения тесно ассоциировались между собою и расположились так, что в действительности дан только первый вызывающий своим присутствием ожидание второго˝ [Потебня 1913: 176]. Предсказания в народных приметах, согласно справедливому утверждению Н.А. Андрамоновой, ˝даются как концентрация знания опыта прошлых поколений, предназначенных для последующих˝ [Андрамонова 1998: 159], что объясняет наличие в паремиях данного типа богатого познавательного потенциала, большой этнографической, языкотворческой и художественной ценности [Харченко 2008: 13]. Вера в приметы, по мнению С.А. Токарева, представляет один из древнейших компонентов календарной обрядности, она универсальна и присуща всем народам [Токарев 1983: 55].

Значение глагола *примечать* (НСВ – *приметить*), дериватом которого является слово *примета,* согласно данным Толкового словаря В.И. Даля может быть истолковано следующим образом: обращать на что-либо внимание с целью запоминания, удержания каких-либо признаков в памяти [ТСЖВЯ-III: 709]. В то же время примета, оформленная по канонам жанра, по мысли В.К.Харченко и Е.Е.Тонковой, не является примитивным, простым, случайным наблюдением, ˝включает в себя элементы скрытого теоретизирования, блеск эвристики, прорыв в семантику будущего˝ [Харченко 2008: 13].

В работах отечественных паремиологов (Г.Л. Пермякова, Е.Г. Павловой, В.К. Харченко, Н.Н. Фаттаховой и др.) примета определяется в качестве клишированного изречения с доминантной прогностической функцией (ср. [Пермяков 1975: 256], [Павлова 1984: 294], [Харченко 1992а: 78], [Фаттахова 2002: 3-4]). При этом учеными справедливо отмечается, что приметы базируются на ˝презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни˝ [Харченко 2008: 14]. Нами предлагается следующее определение народных примет: устойчивые высказывания неопределенно-референтного типа, являющиеся продуктом многовековой народной рефлексии и направленные на моделирование человеческого поведения, осуществляемого благодаря наличию в примете предсказательно-побудительных установок [Кулькова 2011а:39; Кулькова 2011б: 155].

По нашему глубокому убеждению, НП вне зависимости от своего лексического наполнения и формальной организации облигаторно включает в свою структуру темпоральную характеристику описываемых явлений. Как отмечает Н.Н. Фаттахова, ˝временная отнесенность примет связана с выражением значения постоянства, причем такой его разновидности, как расширенное время, не имеющее точной локализации. Две ситуации, вступающие в условно-временную связь, могут иметь возможное конкретно-временное прикрепление, но при этом всегда в конкретном проявля-

ется обобщенное, то есть имеются в виду подобные ситуации, совершаемые ранее, причем, как правило, имеющие прерывистый характер″ [Фаттахова 2002: 38]. При этом временная константа в приметах характеризуется цикличным характером, отражающим космологическое сознание архаичного человека, которое предполагает, что ″в процессе времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст″ [Успенский 1988: 32], таким образом, в приметах находит отражение ″циклическая модель времени″ [Мелетинский 1991: 253]. Согласно Ю.М. Лотману, культура, ориентированная на повторное воспроизведение текстов, требует особого устройства коллективной памяти, важное значение для которой имеют мнемонические символы, ориентированные на будущее [Лотман 1987: 5]. Большое количество подобных мнемонических символов можно наблюдать в НП.

Временные координаты в приметах (календарные праздники, дни недели, месяц года, время года, год) являются неотъемлемым компонентом системы ожиданий, репрезентированной в приметах в виде формулы ″Если А, то следует ожидать В″ эксплицитно либо имплицитно [Фаттахова 2013: 44].

Экспликация смысла народных примет реализуется в виде моно- и полипредикативных конструкций, обладающих вариативным набором лексических, морфологических и синтаксических средств, разнообразным коммуникативным и модальным смыслом, однако при наличии различных коммуникативной и модальной рамок (модуса) пропозитивное содержание паремий (диктум) остается единым.

Например, семантическую схему пропозиции НП можно представить в виде инвариантной формулы ***″Если S_2P, то S_1P″***, где S_1 – субъект базовой пропозиции, S_2 – субъект побочной пропозиции, а P – предикат пропозиции, характеризующий признак субъекта пропозиции.

Указанная схема может также подвергаться различным модификациям, в результате которых первая часть приметы может быть свернута и репрезентирована в тексте паремии благодаря атрибутивным и сирконстантным компликаторам, выражающим ″сценарный характер высказывания″. Тогда семантическая схема высказывания приобретает несколько иной вид. Например: *″S_2 P S_1″*, либо *″При условии существования S_2 S_1 P″*.

Объективную семантическую константу народной приметы составляет ее глубинное содержание, которое можно представить в виде следующей пропозиции: *″Совершение физического / ментального / вербального действия с учетом некоторых обстоятельств″*. Данное пропозитивное содержание образует стабильное семантическое ядро любой приметы. В результате наложения модальной рамки, относящейся к субъективным переменным паремиологического высказывания, на ткань паремиологического дискурса возникает различный интенциональный рисунок высказывания [Кулькова 2014: 89].

Таким образом, содержательную структуру народной приметы представляют пропозиционально-когнитивный и коммуникативно-прагматический компоненты, каждый из которых выполняет определенную роль в смыслообразовании паремии. Центральным в порождении и интерпретации приметы является пропозиционально-когнитивный компонент, в ядерной зоне которого располагается пропозиция, моделирующая инвариант значения паремии. Благодаря коммуникативно-прагматическому компоненту содержания народной приметы осуществляется актуализация ассоциативных связей со стандартными коммуникативно-прагматическими ситуациями, информация о которых представлена в интерпретационной зоне дискурсивного пространства паремии.

Облигаторным элементом в пропозитивном содержании НП служит пропозиция-следствие, эксплицитно либо имплицитно представленная в обусловленной части приметы благодаря номинации следствия проявления признаков обусловливающего явления / события / действия. Второй элемент пропозитивного содержания НП – пропозиция-условие – также может быть представлен в примете эксплицитно либо имплицитно, в виде свернутой пропозиции. Например: *Если гуси и журавли не*

спешат к отлету, стужа наступит не скоро и зима будет мягкой; Ворона каркает – к дождю; На Кузьму сеют морковь и свеклу; Wenn die Vögel um Michaelis noch nicht ziehen, so wird an Weihnacht keine starke Kälte spüren; Die Krähe ruft den Regen; An St. Kilian säe Wicken und Rüben an.

Факультативным компонентом пропозитивной структуры НП выступает пропозиция-цель, содержащая результативное значение, как правило, предписываемого действия. Присутствие данного компонента обусловливается необходимостью аргументации предписываемого действия в том случае, если прескрипция носит жесткий характер и нуждается в смягчении благодаря привлечению мотивационного компонента, либо может показаться реципиенту неубедительной. Например: *Перед Рождеством все деревья в садах надо обвязывать соломенным ˝перевяслом˝, чтобы они хорошо родили; На Онисима овчары окликают звезды, чтоб овцы ягнились; Zweige schneiden an Sankt Barbara, dann sind die Blüten bis Weihnacht da; Willst du Gerste, Erbsen, Zwiebeln dick, dann sä' sie an St. Benedikt*.

Таким образом, языковое оформление НП отличается разнообразием структурных форм и их смыслового наполнения. Вариативная формально-структурная организация НП проявляется в гармоничном сочетании лаконичных клишированных паремий с объемными текстовыми описаниями и обусловливается интенциональной характеристикой приметы, степенью иллокутивной силы и вектором коммуникативной направленности паремии (категоричный запрет, деликатный совет или подробная инструкция поведения в определенных жизненных ситуациях).

Литература

Андрамонова Н.А. Семантика предсказания в языке произведений А.С. Пушкина // Ученые записки Казанского университета.- Казань, 1998.- Т. 136.- С. 159-164.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу.- М., 1865-1869.- Т. 1-3.

Виноградов В.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 6-20.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание: в 4 т. Т. 3: П.- М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006.

Кулькова М.А. Герменевтика народной приметы: когнитивно-прагматический аспект изучения: Монография.- Казань: МОиН РТ, 2011а.

Кулькова М.А. К вопросу о когнитивно-смысловой организации народной приметы // Вестник ТГГПУ, 2011б.№ 1(23). С.155-161.

Кулькова М.А. Прогностическая сущность народных примет в русском и немецком языках (сопоставительный анализ) // Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте. - М., 2014.- С. 85-95.

Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости.- М., 1987.

Мелетинский Е.М. Время мифическое // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1991.- С. 252-253.

Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования.- М.: Наука, 1984.- С. 294-299.

Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В.Я. Проппа.- М., 1975. С. 247 – 274.

Потебня А.А. Мысль и язык.- Харьков: тип. ˝Мирный труд˝, 1913.

Успенский Б.А. История и семиотика // Труды по знаковым системам XXII. Зеркало. Семиотика. Зеркальность.- Тарту, 1988.

Фаттахова Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект.- Казань: МОиН РТ, 2002.

Фаттахова Н.Н. Народные приметы в разноструктурных языках / Н.Н.Фаттахова, М.А.Кулькова.- М.: Флинта: Наука, 2013.

Харченко В.К. Язык народной приметы // Русский язык в школе.- М., 1992.- № 1.- С. 78-82.

Харченко В.К. Лингвистика народной приметы. Монография / В.К.Харченко, Е.Е.Тонкова.- Белгород: Белгородская областная типография, 2008.